Логика Маркса

Применяемый Марксом метод *изложения* экономического анализа, о котором он упоминает в разных местах, предполагает восхождение от самых простых понятий к самым сложным. Этот метод – от простого к сложному – на первый взгляд кажется соответствующим здравому смыслу. Однако, объясняет Маркс, он как раз противоречит здравому смыслу. Здравый смысл фальсифицирует знание, именно принимая как данность представления об элементарных частях реальности, понимание которых на самом деле требует применения *научной абстракции*. Оппортунизм всегда будет противопоставлять предрассудки здравого смысла партии-науке.

Маркс пишет в предисловии к первому тому “Капитала”: «*Форма стоимости, получающая свой законченный вид в денежной форме, очень бессодержательна и проста. И, тем не менее, ум человеческий тщетно пытался постигнуть её в течение более чем 2000 лет, между тем как, с другой стороны, ему удалось, по крайней мере приблизительно, анализ гораздо более содержательных и сложных форм. Почему так? Потому что развитое тело легче изучать, чем клеточку тела. К тому же при анализе экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должна заменить сила абстракции. Но товарная форма продукта труда, или форма стоимости товара, есть форма экономической клеточки буржуазного общества. Для непосвящённого анализ её покажется просто мудрствованием вокруг мелочей. И это действительно мелочи, но мелочи такого рода, с какими имеет дело, например, микроанатомия*»¹.

В самом первом томе “Капитала” Маркс добавляет, что его работа не представляет «*трудностей для понимания*», «*[за] исключением раздела о форме стоимости*»².

Микроанатомия клетки капитала – товара, осуществляемая при помощи скальпеля *научной абстракции*, имеет грозную силу. Она является основой для понимания тайн капитала. Нас окружают огромные количества товаров всех форм и назначений. Товары – это потребительские товары, сырьё, энергия, потребляемая в домах, офисах и на фабриках, это средства производства, дома, промышленные склады, земля, транспортные средства, туристические путёвки, услуги здравоохранения. Капитализм предстаёт как бесконечная ярмарка товаров, которые постоянно изменяются, модернизируются, распространяются по всем сообществам на планете. Всем известно, что каждый товар характеризуется своей особой полезностью – *потребительной стоимостью* – и *ценой*. Цена говорит нам, что потребительная стоимость – это оболочка, ларец, в котором заключена *меновая стоимость*. На рынке покупатель ищет определённую *потребительную стоимость*, продавец же заинтересован в реализации *менной стоимости*, содержащейся в продаваемых им товарах. Цена делает самые разнородные товары сопоставимыми. Например, мы можем сказать, что одна пара обуви стоит столько же, сколько две рубашки. Обувь и рубашки – это продукты *труда*.

Меновая стоимость выражает количество *труда*, содержащееся в каждом товаре, то есть количество *рабочего времени*, использованного для его производства. Но речь идёт не просто о любом труде, а об *общественно необходимом рабочем времени* – том, которое требуется при средних общественных условиях, способностях, технике, производительности, договорных отношениях. Анализ Маркса движется малыми шагами, прежде чем совершить большой скачок. Он фокусируется на *труде*, чтобы выявить его связи со *стоимостью*. В товаре мы видим два аспекта труда, при помощи которого он создан: затрата рабочей силы, необходимой для любой производительной деятельности, – это *абстрактный труд*, и специфическая трудовая деятельность, придающая товару форму и функциональность, – это *конкретный труд*. Конкретный труд придаёт товару его *потребительную стоимость*, абстрактный труд – *меновую стоимость*.

Процесс, в котором Маркс при помощи научной абстракции вскрывает самые сокровенные связи, скрытые в товаре, имеет жизненно важное значение, поскольку он содержит разгадку *тайны капитала*. Когда в сфере обращения в определённых исторических условиях встречаются капиталист – *владелец денежного товара* и пролетарий – *владелец своего единственного товара – рабочей силы*, то обмен заключается в том, что капиталист покупает товар “рабочая сила”, оплачивая его по *менной стоимости*, образованной стоимостью средств существования, необходимых для производства и воспроизводства рабочей силы. И

этот обмен в *сфере обращения* является совершенно справедливым обменом эквивалентных стоимостей. Но именно в *сфере производства* раскрывается *потребительная стоимость* рабочей силы, то есть её способность – в данных исторических условиях развития производительных сил – трудиться дольше, чем требуется для воспроизводства самой этой силы. В результате создаётся товар, *меновая стоимость* которого превышает стоимость рабочей силы, то есть заработную плату. Эта избыточная часть рабочего времени, которую наёмный работник вынужден «отдавать» капиталисту, является источником дохода для всех буржуазных фракций и всеобщего богатства, накопленного во всех формах. Это открытие *прибавочной стоимости*.

Маркс писал Энгельсу, подчёркивая «простоту» открытия: «[...] от внимания всех экономистов без исключения ускользнула та простая вещь, что если товар представляет собой нечто двойственное, а именно: потребительную стоимость и меновую стоимость, то и воплощённый в товаре труд должен иметь двойственный характер, между тем как простой анализ, исходящий из труда *sans phrase*, как у Смита, Рикардо и т. д., всякий раз наталкивается на необъяснимые явления. В этом, действительно, и заключается вся тайна критического понимания вопроса»³. Понимание того, что стоимость как таковая «не имеет иного “вещества”, кроме самого труда», было доступно уже Петти, а затем было «вполне [разработано] у Рикардо»⁴. Двойственный же характер труда, соответствующий двойственному характеру стоимости, не был выявлен.

Почему Маркс смог сделать этот простой, но грандиозный скачок в исследовании капитала? Энгельс даёт столь же простой и глубокий ответ: потому что Маркс увидел за отношениями, которые классическая политическая экономия трактовала как отношения между вещами, отношения между людьми и между классами: «[Политическая] экономия имеет дело не с вещами, а с отношениями между людьми и в конечном счёте между классами, но эти отношения всегда связаны с вещами и проявляются как вещи. Эта связь, о которой в отдельных случаях лишь догадывался тот или другой экономист, впервые была раскрыта Марксом во всём её значении для всей политической экономии, и благодаря этому труднейшие вопросы он сделал такими простыми и ясными, что понять их смогут теперь даже буржуазные экономисты»⁵.

В нескольких местах “Экономической рукописи 1861–1863 гг.” Маркс иллюстрирует присущее капиталистическому способу производства преобразование общественных отношений в отношения между вещами. Это, однако, не мешает ему признавать заслугу самого авторитетного экономиста буржуазии – Давида Рикардо – именно в том, что тот выявил эту вещьность, эту дегуманизацию, производимую системой буржуазных отношений.

Маркс пишет в тетради XVI “Экономической рукописи 1861–1863 гг.”:

«Наиболее значительно у Рикардо как раз то, в чём его упрекали, а именно, что при рассмотрении капиталистического производства он, не думая о “людях”, о распределении, а потому и потреблении, обращает внимание только на развитие производительных сил [...]. Развитие производительных сил общественного труда есть историческая задача и оправдание капитала. Именно этим он бессознательно создаёт материальные условия более высокого способа производства»⁶.

Именно псевдосоциалисты вроде Прудона, Сисмонди и их реформистских последователей стремятся очеловечить капиталистический способ производства. Коммунисты же хотят его уничтожить, потому что он уже исчерпал свою историческую задачу. [...]

Маркс открывает текст первой тетради 1861 года трудным вопросом: как деньги превращаются в капитал? Мы следуем за Марксом, чтобы обнаружить один из аспектов его научного метода, а именно тщательное исследование всех сторон объекта исследования. Его инструментами являются *научная абстракция, логика, история*; историческое наблюдение обычно следует за логическим изложением, «логический метод» предшествует «историческому методу». Энгельс замечает: «[Логический метод], в сущности является не чем иным, как тем же историческим методом, только освобождённым от исторической формы и от мешающих случайностей»⁷.

Логика и история для Маркса не являются схоластикой. Антонио Лабриола называет неустанную аналитическую силу Маркса «обострением логики». Это не что иное, как исследование, основанное на «науке логики», на *диалектике*, преобразованной и вооружённой материалистическим видением капиталистического способа производства.

История капиталистического общества для Маркса – это и *естественно-исторический процесс*, и *социальная практика антагонистических классов*. “Капитал” изобилует ссылками на историю классов; его исторические главы – о первоначальном накоплении капитала, продолжительности рабочего дня, о применении науки в промышленности, – являются живыми картинами общественной экономической формации, плотью и кровью, покрывающими скелет, который стал виден благодаря “рентгену” теории.

Систематическое использование логики “Капитала” является вызовом и упражнением для мысли молодого человека, осаждаемого туманом банальностей, давлением цифровой глупости, невежественной иррациональностью нарциссических демагогов и напыщенной беспомощностью плохих учителей. Логика Маркса требует и воспитывает терпение и любознательность, необходимые для понимания реального мира.

Январь 2023 г.

¹ - Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 23. С. 6.

² - Там же.

³ - Там же. Т. 32. С. 9.

⁴ - Там же. Т. 29. С. 257.

⁵ - Там же. Т. 13. С. 498.

⁶ - Там же. Т. 48. С. 294.

⁷ - Там же. Т. 13. С. 497.